

«НАШИ РОДИТЕЛИ ВЫЖИЛИ В ТЕХ УЖАСНЫХ УСЛОВИЯХ»

Рассказывает жительница Коммунара, ребенок блокады Федорова Наталья Петровна.

Когда началась война, мы жили в Ленинграде на улице Чайковского рядом с Таврическим садом. Известие о войне застало нас совершенно неожиданно: мы с мамой и старшей сестрой гуляли в парке, когда началась трансляция с извещением о начале войны. Все побежали по домам. Моего отца сразу же забрали в армию. Он служил шофером на Ладожском озере — там он и погиб, утонув с машиной. Мама работала медсестрой в Куйбышевской больнице. А когда больницу разбомбили, ее перевели работать в госпиталь, открытый в Доме пионеров.

Моя бабушка и сестренка умерли от голода. А я была помладше, считалось, что маленькие выживали, потому что им надо меньше еды. Маме разрешили брать меня на работу в госпиталь. Я тоже там «работала» — ходила вокруг коек раненых и улыбаться им, рассказывать стихи, радовала и подбадривала их. В нашей семье все женщины работали и помогали городу, а бабушка сидела с шестью детьми. Когда она умерла, уже можно было эвакуироваться из блокадного города. Но моей маме уехать не разрешили, потому что она была очень нужна в госпитале. А моих тетушек, двоюродных сестер и братьев отправили в эвакуацию. Но они попали под бомбежку и вынуждены были вернуться в осажденный город. Одна тетя брала детей на завод, где они спали под станками. Вторая тоже устроилась в госпиталь, где постоянно нужен был персонал, и брала детей с собой на работу.

С началом войны жизнь в Ленинграде изменилась, конечно. Мужчины и молодые ребята ушли на фронт, женщины, помогали, кто чем мог — некоторые стали рыть окопы. Дети поделились на три группы. Комсомольцы вместо ушедших на фронт мужчин пошли трудиться на заводы, причем работа была для них очень тяжелой. Пионеры и октябрята, в том числе мои сестра и брат, дежурили на крышах, чтобы тушить «зажигалки», заливая их водой и засыпая песком. Начался ужасный голод. Люди были похожи на еле передвигающихся мух. С открытием «Дороги жизни» через Ладожское озеро в город начали поступать продукты, которые раздавали по карточкам. Первой от голода в нашей семье умерла моя бабушка... Четыре года блокадной жизни были очень сложными и страшными, но мы жили очень дружно.

Когда приходила весна и таял снег, то все улицы жители сами убирали, чтобы не было эпидемии. На газонах растили картошку. Наши родители смогли вытерпеть и выжили в тех ужасных условиях. Мы до конца блокады оставались в нашей квартире на ул. Чайковского. Потом она стала коммунальной, затем ее расселили. Я до сих пор прохожу мимо нашего дома со слезами на глазах. Я даже зашла однажды во вновь отстроенную Куйбышевскую больницу, рассказывала медсестрам про маму, они меня, конечно не узнали. Несмотря на трудности блокады, моя мама прожила до 73 лет.

Опубликовано в газете «Комминфо» № 1 (850) 24 января 2019 г.